

Шан Цзин счастливо устроился на спине Хэ Цзяна, болтая ногами, пока они шли по коридору. Он повторил:

— Я пойду с тобой.

Он собирался найти доказательства их тайного брака и доказательства домашнего насилия со стороны Хэ Цзяна, чтобы использовать их в качестве козырей при разводе.

— Тебе нужен отдых. Я попрошу Линь Лин отправить тебя обратно.

— Так не пойдёт. Я повредил голову. Я должен следовать за тобой, чтобы не было больно.

Что, если Линь Лин бросит его в случайном месте? Как же тогда он найдет Хэ Цзяна?

— У меня запланирована съемка.

— Тогда я подожду тебя в машине.

— Разве ты не говорил, что у тебя болит голова? Как ты сможешь полноценно отдохнуть в машине?

— Больше не болит.

«...»

Хэ Цзян вдруг пожалел, что рискнул вступить в конфликт с режиссером из-за этого болвана.

Но, в конце концов, у него не хватило духу оставить Шан Цзина в машине, и он устроил тому отдых в гримерке, где была импровизированная кровать. На что Шан Цзин любезно согласился и заснул как убитый.

Даже когда гример заново накладывал Хэ Цзяну грим, или когда режиссер пришел выплеснуть свое недовольство, предупредив его о том, что если он будет продолжать вести себя как большая шишка, его карьера может пострадать, больной не вздрогнул, не говоря уже о том, чтобы проснуться.

В висках Хэ Цзяна пульсировала боль, когда он попытался рационально осмыслить ситуацию и утешить себя.

«Он один в стране, без семьи...»

«Я — единственный, на кого он может здесь рассчитывать...»

«Отлично. На этот раз я потерплю.»

«Лучше ему убраться с глаз моих долой, как только он поправится.»

Шан Цзин проснулся, чувствуя себя немного лучше. После поездки на машине у него начались приступы головокружения.

Когда он сел и стянул с себя тонкое одеяло, его внимание привлекли вышитые инициалы Хэ Цзяна в углу одеяла. Было очевидно, что одеяло было его личной вещью. Он быстро сложил одеяло и аккуратно положил его у изголовья кровати, прежде чем выйти из гримерной.

Шан Цзин сразу же был поражен видом голубого неба и бескрайнего моря. Съемки проходили на пляже.

Вдалеке Хэ Цзян снимался в сцене спасения. На нем был красный спасательный жилет, и он боролся с волнами, чтобы увести главную героиню в безопасное место.

Шан Цзин с тревогой наблюдал за происходящим. Его сердце забилось, замедляясь и ускоряясь с каждой волной, которая обрушивалась на Хэ Цзяна.

— Это так опасно.

Линь Лин: «Не стоит беспокоиться. Приняты меры безопасности.»

— О.

«Кого волнует этот подонок?»

В течение следующего часа волны становились все больше и сильнее, а Шан Цзин с трепетом наблюдал за происходящим. Прежде чем он решился согласиться на меньшую долю после развода, съемки закончились.

Говоря о разводе, в дневнике не было упоминания о том, когда они поженились.

Шан Цзин повернулся к Линь Лин, чтобы прощупать ее:

— Мое появление на съемочной площадке... не вызвало беспокойства у команды?

— Нисколько. Пока вы не мешаете съемкам, режиссер не будет возражать.

На самом деле, Линь Лин была более чем рада, что Шан Цзин остался с ними на съемочной площадке.

С самого начала своей карьеры Хэ Цзян был профессионалом своего дела. Но было два случая, когда он уходил от своих обязанностей, и оба раза из-за Шан Цзина. Если бы они остались вместе, у Хэ Цзяна не было бы причин прогуливать работу.

Но была одна вещь, которая заинтересовала Линь Лин. Если все так сложилось, значит ли это, что они помирились? Она спросила:

— Вы оба... три года назад...

Шан Цзин тупо моргнул, глядя на Линь Лин, когда его сердце ёкнуло.

«Могли ли мы пожениться три года назад?»

Хотя это означало, что у него было больше шансов получить большую часть активов Хэ Цзяна во время развода, это также означало, что он неустанно служил ему в течение целых трех лет.

Как он мог так долго терпеть?

Но сейчас было не время сообщать врагам о его плане. Он сверкнул Линь Лин застенчивой улыбкой и промолчал.

Линь Лин подумала, что он не хотел бы упоминать об этом, поэтому улыбнулась и сказала:

— Пойду принесу имбирного чая.

Шан Цзин снова обратил свое внимание на пляж.

Хэ Цзян и исполнительница главной женской роли, Чжан Яояо, вернулись на берег, где толстое одеяло для Хэ Цзяна уже ждало в руках его помощника. Однако не успело одеяло попасть к нему в руки, как рядом с ним раздался чих. Хэ Цзян взглянул на промокшую Чжан Яояо и жестом попросил своего помощника передать одеяло ей.

Чжан Яояо сначала отклонила предложение, но по настоянию помощника, в конце концов, согласилась. В то же время она протянула руку, намереваясь заключить Хэ Цзяна в теплые объятия одеяла вместе с ней, воскликнув:

— Спасибо! Мой помощник еще неопытен. Поскольку сегодня было солнечно, он не взял с собой одеяло. Но морской бриз все еще довольно прохладен. Я должна заставить его обучиться у вашего помощника!

Но, прежде чем она успела это сделать, Хэ Цзян сделал большой шаг в направлении Шан Цзина, заставив ее схватить горсть воздуха.

Помощник Чжан Яояо с опозданием подошел к ним с двумя чашками дымящегося горячего имбирного чая.

Чжан Яояо схватила их и побежала за Хэ Цзяном, «случайно» наткнувшись на его спину. Она протянула ему чашку.

— Вот, возьмите.

— Спасибо.

Хэ Цзян принял от нее чашку.

Чжан Яояо просияла.

— Пожалуйста.

Шан Цзин наблюдал за этой сценой на расстоянии.

«Как он смеет флиртовать с другими девушками у меня на глазах?!»

Но это было не единственное, что он заметил. Кроме помощника, который принес Чжан Яояо чашки с имбирным чаем, был еще один помощник, который тайно фотографировал их на телефон со спины. Рядом с ним лежала сумка с одеялом.

В этот момент Линь Линь вернулась с двумя чашками имбирного чая. Она была ошеломлена, увидев чашку в руке Хэ Цзяна, но быстро пришла в себя и передала одну из двух своих чашек Шан Цзину.

— Я добавила туда немного изюма. Это вкусно.

Шан Цзин укусил соломинку и сделал глоток чая. Затем снова обратил внимание на драму, которая разворачивалась перед ним.

— Подождите, я ошиблась чашкой, — Чжан Яояо догнала Хэ Цзяна сзади. С покрасневшим

лицом она сказала: — Извините, я уже сделала глоток из этой чашки, вы можете взять эту.

«Ого, как хитро.»

Горло Шан Цзина раздражал имбирный чай, который раздражал еще и его глаза.

Хэ Цзян с самого начала не собирался ничего пить от Чжан Яоя, и ее приставание только еще больше разожгло его раздражение. Таким образом, он решил вернуть ей обе чашки.

Но, прежде чем он успел это сделать, к ним подошел Шан Цзин.

— Ты можешь выпить мой чай, — Шан Цзин сделал большой глоток имбирного чая, прежде чем с силой сунуть его в руки Хэ Цзяна. Разбухший сушеный изюм лопнул у него между зубов, вызвав одновременно взрыв кислинки и сладости во рту.

Хэ Цзян переводил взгляд с полупустой чашки в руках на Шан Цзина. Шан Цзин смотрел на него своими красивыми глазами высокомерно, как будто говоря: «Попробуй выпить из её чашки и тебе конец».

С теплотой имбирного чая в руке он почувствовал, как тепло наполняет его сердце. Оно текло по его венам и распространялось по всему телу.

В его голове промелькнула мысль: эти скандалы были не зря.

«Неужели он каждый раз так злился, когда видел эти выдуманные статьи, написанные на сайтах сплетен?»

«Так ему и надо.»

— Вы... — Чжан Яоя посмотрела на симпатичного мальчика перед ней. Судя по его внешности, он, скорее всего, был актером-новичком, которого запихнул в фильм один из спонсоров.

«Он, конечно, хорош собой. Интересно, какой шишке он сумел понравиться, чтобы осмелиться протянуть императору кино недопитую чашку чая? Неужели он не видит, какой он тошнотворный?» — подумала Чжан Яоя, совершенно не замечая, как она только что сама «случайно» передала Хэ Цзяну чашку имбирного чая, из которой уже пила. В ней вспыхнуло чувство соперничества с Шан Цзином.

Однако в тот момент, когда она собиралась отказаться от напитка от имени Хэ Цзяна, обычно хладнокровный Хэ Цзян сделал большой глоток чая через соломинку Шан Цзина.

Как будто ему этого было мало, без какой-либо неприязни он сделал еще глоток.

Хэ Цзян кратко представил Шан Цзина Чжан Яояо:

— Это мой... младший брат. Недавно он получил травму, поэтому я взял его с собой, чтобы присматривать за ним.

Учитывая возможность того, что в будущем Шан Цзин будет сопровождать его на съемках, он решил придумать более приемлемое оправдание.

«Кто твой младший брат?»

Шан Цзин бросил взгляд на Хэ Цзяна.

Актер был действительно хитер. Несколькими словами он не только нарисовал образ любящего брата, но и тонко отрицал их отношения.

Но Шан Цзин пока не собирался афишировать их тайный брак. Для него еще слишком многое было неизвестно. Если он в этот момент спровоцировал бы Хэ Цзяна, то мог бы оказаться в неблагоприятной ситуации.

— О, так это ваш младший брат! — Глаза Чжан Яояо сразу же смягчились. — Вы впервые наблюдаете, как мистер Хэ играет на съемочной площадке? Это также моя первая совместная работа с ним над фильмом. Это такое удовольствие — наблюдать за его игрой.

— Да, — Шан Цзин кивнул. Он посмотрел на Чжан Яояо и спросил: — Я здесь впервые, поэтому я не уверен в правилах. Разрешено ли нам фотографировать на наши телефоны? Я видел, как ваш помощник фотографировал вас и Хэ Цзяна. Не рискуете ли вы испортить фильм? Могу ли я тоже это делать?

Улыбка Чжан Яояо застыла.

— Конечно, нет. Кто это? Я попрошу его немедленно удалить фотографии.

Конечно, фотосъемка и видеосъемка на съемочной площадке были запрещены. Однако у Чжан Яояо была договоренность со съемочной группой о выпуске контента только в период продвижения фильма, поэтому команда закрыла на это глаза. В конце концов, интересные закулисные фотографии иногда более эффективны для привлечения внимания, чем обычная рекламная тактика.

Чжан Яояо позвала своего помощника и заставила его удалить фотографии и извиниться на глазах у всех.

Фотография была снята с хитрого ракурса, запечатлев приятный момент, когда Хэ Цзян и Чжан Яояо делят чай. С некоторым фотошопом получилась бы правдоподобная фотография.

Шан Цзин размышлял:

— Сегодня утром в интернете появилась фотография. Это тоже вы сняли? Композиция на фотографии выглядит действительно уникально! Похоже, что это снимал один и тот же человек. Где вы этому научились? Я тоже хочу научиться этому и делать красивые фотографии своего брата.

Он имел в виду фотографию, прикрепленную к статье, опубликованной утром. Она намекала на то, что Хэ Цзян проявляет благосклонность к Чжан Яояо, создавая у многих неправильное представление о том, что он за ней ухаживает.

Статья, естественно, была написана по приказу Чжан Яояо.

Лицо Чжан Яояо приобрело зеленый оттенок, пока она стояла с двумя чашками имбирного чая. В уме она ругала Шан Цзина за то, что тот лез не в свое дело. Хэ Цзян всегда был равнодушен к такого рода безобидным статьям.

Она глубоко вздохнула и сказала:

— Извините, я буду внимательнее следить за своим помощником.

Брови Хэ Цзяна слегка приподнялись. Схватив Шан Цзина за воротник, он сказал:

— Фотосъемка и видеосъемка на съёмочной площадке запрещены. Пошли, мы здесь закончили.

Думая о многочисленных скандалах, о которых «он» читал в дневнике, Шан Цзин увидел в этом хорошую возможность отомстить Хэ Цзяну. Он усмехнулся.

— Видишь? Не разговаривай со звездами женского пола без разбора. Мужчины должны знать, как избегать грязи.

— В качестве кого ты мне это говоришь?

«В качестве кого?! Как у него хватило наглости спросить меня об этом?!»

Шан Цзин вспыхнул. Хэ Цзян действительно не уважал свою жену.

Но, учитывая, что они находились в окружении людей, он подавил свой гнев и зашипел:

— Разве твой младший брат не может заботиться о тебе?

Хэ Цзян холодно ответил:

— Не лезь не в свое дело.

— Очень жаль, но я решительно настроен вмешиваться в твои дела...

Чжан Яояо наблюдала за ними, пока они уходили. Ее мрачные глаза были прикованы к спине Шан Цзина.

«Кем он себя возомнил?»

Солнце село и начинал моросить дождь. Съёмочная группа быстро собрала вещи и разошлась по домам. Хэ Цзян тоже не был исключением. Смыв макияж и переодевшись, он направился к своей машине. У него был дом поблизости, в котором он часто останавливался, когда был в городе.

Глядя на Хэ Цзяна, Шан Цзин быстро сел на переднее пассажирское сиденье машины. Линь Лин, наблюдавшая за происходящим издали, глубоко вздохнула.

Несмотря на то, что Хэ Цзян любил водить, раньше он никому не позволял садиться в свою машину.

Утром, когда она хотела поехать с ним в больницу, ей пришлось ехать на своей машине.

Шан Цзин лениво откинулся на сиденье. У него не осталось сил на разборки с Хэ Цзяном. Он был голоден.

После автомобильной аварии он ничего не ел, кроме нескольких глотков имбирного чая.

О, и пузырёк с быстродействующим лекарством для облегчения сердечных сокращений.

Хэ Цзян посмотрел на Шан Цзина боковым зрением. Этот человек выглядел таким жалким в больнице, но когда они были на съёмочной площадке, тот был полон энергии. Теперь, когда они были одни в машине, он лениво откинулся на сиденье. Шан Цзин определенно был лучшим актером, чем он.

В машине повисла гробовая тишина.

— Кажется, ты... — Хэ Цзян постучал пальцами по рулю, прежде чем продолжить: — Сегодня совсем другой.

«А?!»

Лениво прикрытые глаза Шан Цзина расширились, а его мозг заработал в ускоренном режиме.

«Где я прокололся? Он узнал, что я потерял память?»

«Нет, я не могу этого допустить. Я должен что-то сделать...»

Он должен был рассеять подозрения Хэ Цзяна.

Шан Цзин вспомнил постыдное содержание дневника и попытался найти наиболее подходящий подход, чтобы развеять сомнения Хэ Цзяна.

Однако чем больше он думал об этом, тем более неестественным становилось выражение его лица. Сказать «муженёк, я люблю тебя» независимо от времени и места было все еще не в его силах.

Внезапно его внимание привлек яркий свет вдалеке. Это был свет от вывески торгового центра. Вдохновение поразило его.

Он выпрямился и указал на торговый центр.

— У меня дома закончился шампунь. Мне нужно купить две бутылки. Я хочу приобрести шампунь марки ХХ, — подчеркнул Шан Цзин. В последней записи в дневнике упоминалась необходимость купить шампунь и даже специально упоминалась марка. Должно быть, это его любимая марка шампуня.

Хэ Цзян с удивлением посмотрел на Шан Цзина.

Уголки губ Шан Цзина слегка приподнялись.

«Как я коварен. Хе-хе.»

Поскольку он собирался остаться в доме Хэ Цзяна, ему не нужно было покупать собственный шампунь. Но говоря так, он не только подразумевал, что собирался остаться там лишь временно, но и уменьшил бы сопротивление Хэ Цзяна совместному проживанию.

Если бы он выразил желание остаться там на долгое время, Хэ Цзян определенно подумал бы, как его прогнать. Напротив, если бы он оставался там только временно, пока не выздоровеет, Хэ Цзян, скорее всего, как настоящий мужчина, терпел бы?.. В конце концов, он был его тайной женой.

Однако Хэ Цзян и не собирался тормозить. Он монотонно сказал:

— Не поеду.

С головой в толстой повязке Шан Цзин был бы в центре внимания, куда бы он ни пошел. Зайти в торговый центр с ним в таком состоянии — значит, попасть под натиск толпы фанатов. Хэ Цзян все еще мог терпеть это, но что если они опрокинули бы Шан Цзина и усугубили бы его травму? Тот и так не отличался умом.

Шан Цзин, напротив, уже все спланировал. Когда они будут там, он сначала возьмет жареную колбасу, чтобы заполнить свой желудок. Он сглотнул слюну. Но ответ Хэ Цзяна силой вырвал его из сладких грёз.

«Что он сказал? Он не поедет?»

«Он думает, что я — все та же послушная жёнушка?»

Шан Цзин опустил стекло машины.

Хэ Цзян холодно приказал:

— Закрой окно. Дождь намочит повязки на твоей голове, болван.

— Нет, если ты не поедешь к торговому центру, я начну звать на помощь...

Прежде чем он успел закончить предложение, Хэ Цзян закрыл окно и запер его с помощью центрального пульта управления.

— Можешь начинать.

«Ублюдок!»

«Он хочет уморить меня голодом!»

Шан Цзин был одновременно голоден и зол. Не зная, когда будет его следующая трапеза, он пыхтел и пыхтел, отчего его обычно бледное лицо покраснело.

Но Хэ Цзяна, казалось, это не беспокоило, по крайней мере, так казалось на первый взгляд.

«Это просто покупка шампуня. Какое зло я совершил, не купив его? Ты даже не собираешься ехать к себе домой сегодня.»

«Что за паршивый нрав? Думаешь, я буду это терпеть?»

Голодный человек — злой человек. Тем более, что сегодня был первый день начала его новой жизни. Шан Цзин был полон решимости сделать так, чтобы этот день закончился на ура!

Он даже не смог заставить Хэ Цзяна пойти в торговый центр, тогда как он избавился бы от унижений, которые перенес, будучи простофилей?!

— Останови машину! Я хочу в торговый центр! — крикнул Шан Цзин. Однако это был всего лишь всплеск эмоций, не имевший большой силы.

Ерунда! Как бы он ни был раздосадован, неужели он посмеет схватить руль?

Видя, как лицо Шан Цзина становится все краснее и краснее, Хэ Цзян с тревогой постучал пальцем по рулю, сохраняя бесстрастное выражение лица.

«Как ты можешь быть таким проблемным, несмотря на свою травму! Если у тебя сегодня вечером разболится голова из-за затрудненного кровотока, не умоляй меня отправить тебя в больницу.»

По мере того, как истерика Шан Цзина усиливалась, Хэ Цзян остановил машину на обочине и отпер дверь.

— Выходи, — приказал он.

Без колебаний Шан Цзин толкнул дверь и встал на тротуар под дождем.

Не говоря ни слова, не пытаясь пойти в торговый центр, он просто стоял там, обмениваясь взглядами с Хэ Цзяном.

Под ночным небом каждая секунда казалась длиннее, чем обычно. Время словно застыло в картине маслом.

Оба мужчины смотрели друг на друга через окно машины. Один был упрям как мул, другой — свиреп как тигр, готовый наброситься.

Шан Цзин признал, что взгляд Хэ Цзяна напугал его. Но сейчас он не мог отступить. Он должен был знать, где заканчивается грань терпения Хэ Цзяна, чтобы планировать свои последующие действия. Ему не пошло бы на пользу случайно пересечь черту когда-нибудь, будучи излишне проблемным.

Когда ещё могла бы представиться такая возможность? Ведь в будущем такого же отношения, как к пациенту, не будет.

Если бы Хэ Цзян действительно оставил бы его под дождем и уехал...

Дождь беззвучно капал. Некоторые из капель приземлились на ресницы Шан Цзина и скатились по щекам, когда он моргнул. Его глаза сверкали в ночном небе, а слёзы скатывались от обиды.

Хэ Цзян крепко сжал руль и обвинил свое зрение в том, что оно слишком хорошее. Капли дождя, упавшие на бинты Шан Цзина, и те, что задержались на кончиках его глаз, не остались незамеченными для него.

Еще немного и пункт назначения пришлось бы сменить на больницу, чтобы ему сменили повязки.

— Залезай, — Хэ Цзян наклонился, чтобы открыть пассажирскую дверь. — Не заставляй меня повторять это дважды.

<http://bllate.org/book/14558/1289635>